

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Ф.М. БОРОДКИН

СОЦИАЛЬНЫЕ ЭКСКЛЮЗИИ

Концепции социальной эксклюзии

Идентификация и самоидентификация представляют собой фундаментальные социальные и биологические феномены. Во всяком случае, высшие животные так или иначе выделяют «близких», «своих», причисляя к ним и себя. В биоценозах создаются сложные социальные структуры, включающие иерархические отношения старшинства, подчинения, принадлежности к семье, стае и т.п. В популяциях млекопитающих нетрудно обнаружить дискриминацию и сегрегацию. Без различения «своих» и «чужих», без предоставления тех или иных преимуществ «своим» перед «чужими» не смог бы развиваться и вид *homo sapiens*. Идентификация и способность выделения «чужих» по каким-то признакам, определенных на генетическом уровне, лежат в основе феномена эксклюзии. То же относится и к вовлечению «своих» в совместные действия, то есть к феномену инклюзии. Хотя социальная идентификация связана с генетическими механизмами, она представляет собой культурное взаимодействие, основными признаками которого являются символизм, возможность трансляции образцов поведения посредством социализации.

Термин «социальная эксклюзия», по свидетельству Ч. Гора, впервые стал использоваться в 1974 г. во Франции для обозначения социально незащищенных категорий населения [1]. Речь идет об умственно и физиологически зависимых, склонных к суициду, одиноких родителях, пожилых инвалидах, маргиналах, детях-сиротах, делинквентах, асоциальных личностях и других «неудачниках». Существуют два подхода к интерпретации социаль-

---

Бородкин Фридрих Маркович— доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, председатель правления Сибирского межрегионального центра поддержки негосударственных организаций «Сиб-Ново-Центр». Адрес: Новосибирск, проспект Лаврентьева, 17. Электронная почта: fred@nsu.ru

Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ, грант № 99-03-19578а. В статье использованы материалы, подготовленные Д. Тучиным, М. Солдатовой, А. Стрельниковой.

ной эксклюзии — французский и англосаксонский. Французский подход ориентирован на социальную солидарность, интеграцию (инклюзию) граждан в общественную жизнь. С одной стороны, такой подход предполагает признание преимущественных прав общностей на защиту их целостности, с другой — требует уважения прав любых меньшинств, не покушающихся на целостность сообщества. Эксклюзия рассматривается преимущественно как следствие групповой монополии, принудительности социального порядка, который служит интересам инклюзивированных. В англосаксонской традиции акцентируется индивидуальная свобода, равные права для всех граждан. Социальная интеграция трактуется преимущественно как результат свободного выбора отношений как между индивидами, так и между индивидами с одной стороны и обществом и государством с другой. Европейская комиссия и Совет Европы связывают социальную эксклюзию с неадекватной реализацией социальных прав [2]. В англо-американском либерализме эксклюзия рассматривается как следствие специализации: социальной дифференциации, экономического разделения труда и общественных сфер. Это все предполагает, что основой специализации на рынке и между социальными группами являются индивидуальные различия. Таким образом, основополагающим принципом здесь выступает индивидуализм, хотя причины этого явления заключаются не только в индивидуальных предпочтениях, но и в структурах, созданных путем кооперации и конкуренции индивидов — рынках, ассоциациях и т.п.. Именно в данном смысле социальная эксклюзия используется европейскими правозащитными общественными движениями. При таком подходе социальная эксклюзия оказывается тесно связанной с проблемами бедности и минимального жизненного стандарта, хотя ими не ограничивается.

Концепции социальной эксклюзии можно рассматривать в описательном, аналитическом и нормативном аспектах [1]. Ситуация социальной эксклюзии близка к ситуации бедности как относительной депривированности. «Люди относительно депривированы, если они не могут обеспечить себе подходящие условия жизни вообще или в значительной степени, — питание, условия для отдыха, стандарты и услуги, — которые позволили бы им играть определенную роль, участвовать во взаимодействиях, вести себя привычным образом... Когда людям не хватает средств для доступа к ресурсам или если в таких средствах им отказывают и таким образом не дают им возможности быть полноценными гражданами общества, можно сказать, что они живут в бедности», — отмечает П. Таунсенд [3]. В этом смысле бедность и социальная эксклюзия являются синонимами. Но понятие «социальная эксклюзия» шире. Строго говоря, социальная эксклюзия может быть связана не только с бедностью, но и культурно-этническими, экономическими, религиозными обстоятельствами. В аналитическом отношении социальная эксклюзия рассматривается с точки зрения взаимосвязи между бедностью, занятостью и социальной интеграцией. Например, возможная социальная эксклюзия определяется условиями ранней социализации индивида [4, 5]. Имеется в виду межпоколенная трансляция эксклюзии, определенная предрасположенность к ней индивидов, принадлежащих в детстве к определенным социальным и социально-территориальным группам. В нормативном подходе акцентируется

проблема социальной справедливости и равенства при установлении минимальных социальных стандартов.

Процесс социальной эксклюзии может рассматриваться, во-первых, как последовательность состояний относительной социальной депривированности. Во-вторых, он может анализироваться как последовательность обстоятельств, переводящих индивида или группу индивидов из нормального состояния в состояние социальной эксклюзии (относительной депривации). Людей, оказавшихся в состоянии социальной эксклюзии, уместно называть ее «жертвами» независимо от причин такого состояния. Жертва социальной эксклюзии — результат действия механизма, не обязательно социального по своей природе. Этот процесс может быть по преимуществу психологическим — направленным от внутреннего состояния индивида к формированию ситуации. Его можно назвать самоэксклюзией, которая наблюдается, например, при отказе от активного поиска источника заработка при длительном отсутствии постоянной работы, бедности и изолированности от привычного культурного окружения. Самоэксклюзия может выражаться также в состояниях социального аутизма и слабо мотивированной агрессии [6].

Имеет смысл различить ситуацию и состояние социальной эксклюзии. Ситуация социальной эксклюзии — объективированные обстоятельства. Люди, оказавшиеся в этих обстоятельствах, не имеют возможности воспользоваться предоставленными им социальными правами. Например, многие сельские жители России живут в ситуации социальной эксклюзии в том отношении, что не могут пользоваться возможностями рынка труда, правом на медицинскую и социальную помощь, не имеют доступа к культурным благам [7]. В ситуации социальной эксклюзии оказываются граждане, чьи права так или иначе ущемляются. Состояние же социальной эксклюзии определяется индивидуальным восприятием ситуации и самоидентификацией. Например, значительная часть инвалидов (в частности, спинальников) вовсе не считает себя обделенными или беспомощными. Многие из них, наоборот, проявляют такую высокую физическую и общественную активность, которая не свойственна «нормальным» людям.

М. Вольф предлагает следующую классификацию ситуаций социальной эксклюзии [8].

«Эксклюзия от средств к существованию». Предполагалось, что в 60-х годах при переходе от крестьянских обществ к индустриальным спрос на рабочую силу будет превышать ее предложение. Однако вышло наоборот. Особенно сильно такого рода эксклюзия проявилась в 80-е годы в странах Африки и Латинской Америки, где начались значительные структурные изменения. Этот процесс затронул прежде всего людей с высшим образованием и работавших в отраслях, финансировавшихся государством. Инфляция сократила их доходы и заставила отказаться от привычного им жизненного уклада. Для рабочих и «среднего класса» эксклюзия означала инклюзию в мир опасных жизненных стратегий и размывание классовой самоидентификации.

Эксклюзия от социальных услуг, благосостояния и сетей социальной безопасности. До 80-х годов как в бедных, так и в богатых странах росли ожидания относительно социальных прав и услуг, гарантированных государ-

ством: права на образование и здравоохранение для всех; социальной безопасности против нужды; права на жилище, безопасное водоснабжение и вывоз отходов и иных гарантий. Результатом урезания ряда социальных услуг по отношению к одним группам населения и сохранения услуг для других становится увеличение незащищенных групп, например, одиноких матерей с детьми, увеличивается также число бездомных людей.

Эксклюзия от культуры потребления. Для значительной части населения эксклюзия означает нищету, нужду и невозможность удовлетворения базовых потребностей в еде и крове. Однако для еще большей части населения эксклюзия от потребления представляет собой более сложную проблему, связанную с доступом к информации о разнообразных и меняющихся нормах потребления. Следствие неосуществленных потребительских стремлений — эксклюзия из сферы общественных услуг и сетей безопасности, а также из сферы политического выбора. В той мере, в какой новые области потребления становятся культурной необходимостью, эксклюзия может быть свойственна группам с любыми доходами.

Эксклюзия из политического выбора. С одной стороны, в большинстве стран люди могут участвовать в относительно свободных выборах, имеют доступ к различным источникам информации и т.д. Однако в этих условиях эксклюзия из политического выбора не устраняется вследствие олигархических и бюрократических черт политических партий, доверие к которым оставляет желать лучшего. Кроме того, возможности даже самого сильного государства становятся ограниченными по сравнению с господством антигосударственной, ориентированной на рынок идеологией. Обязательства политических лидеров перед избирателями часто отступают на второй план под давлением мировой экономической системы и баланса сил в собственной стране. Результаты такого рода эксклюзии из политического выбора могут варьировать от политической апатии до насильственных реакций.

Эксклюзия от массовых организаций и солидарностей. Организации и менее формально выраженные формы солидарности, с помощью которых люди борются за преодоление эксклюзии, основаны на следующих факторах: стремлении контролировать источники средств существования (профсоюзы, крестьянские объединения, ассоциации торговцев и т.д.); стремлении удовлетворить свои потребительские предпочтения и потребности в кредите (кооперативы, кредитные союзы и т.д.); отношении к государственным услугам и услугам муниципальных или добровольных организаций (ассоциации родителей и пенсионеров и т.д.); принадлежности к местным территориальным сообществам; религиозных и этнических идентичностях. Незащищенность и нестабильность массовых организаций ограничивают возможности реализации социальных нововведений и способствуют формированию эксклюзии для значительных групп населения.

Эксклюзия от возможности понимания происходящего. Становление «информационного общества» порождает специфическую форму эксклюзии, связанную с «шоком со стороны будущего» (О. Тоффлер). Для одних «информационное общество» означает максимально широкий выбор жизненных стилей, гендерной и возрастной идентификации. Для других это влечет за собой усложнение стратегий выживания и возрастание рисков. Значительная

часть населения довольствуется и довольна сообщениями о спортивных событиях, частной жизни знаменитостей при практическом отсутствии настоящего тревожной информации.

Анализ социальной эксклюзии предполагает установление групп риска и, в частности, наиболее вероятных ситуации ее возникновения. К группам риска относятся долговременные или постоянные безработные; занятые на случайной или неквалифицированной работе; низкооплачиваемые работники; безземельные; неквалифицированные, неграмотные или исключенные из школ; умственно или физически зависимые или ограниченные; неимущие; делинквенты, заключенные и состоящие на криминальном учете; одинокие родители; дети, выросшие в проблемных семьях; молодые люди, в особенности без трудового опыта и образования; работающие дети; женщины; иностранцы, невозвращенцы и иммигранты; расовые, религиозные, языковые и этнические меньшинства; политически бесправные; получатели социальной помощи; нуждающиеся в социальной помощи, но не получающие ее; обитатели трущоб; голодные, бездомные, без определенных занятий и места жительства; люди, чье потребление, времяпрепровождение и другие виды деятельности (в потреблении алкоголя или наркотиков, соблюдении общественного порядка, стиле одежды, общения, манерах поведения) осуждаются или признаются отклоняющимися от нормы.

В российском законодательстве социальная эксклюзия рассматривается как «трудная жизненная ситуация» [9, 10]. закон определяет группы, о которых должна проявляться забота как нуждающихся в помощи из-за особого тяжелых жизненных ситуаций, в которые они попали: инвалиды, люди пожилого возраста, нетрудоспособные и социально уязвимые группы населения, дети-сироты, безнадзорные дети, несовершеннолетние правонарушители, дети-социальные сироты, лица без определенного места жительства. лица, неспособные к самообслуживанию в связи с преклонным возрастом, болезнью, малообеспеченные, безработные, дети, подвергающиеся жестокому обращению в семье, граждане, пострадавшие от физического или психического насилия, стихийных бедствий, в результате вооруженных и межэтнических конфликтов, другие клиенты социальной службы, нуждающимся в предоставлении временного приюта. Этот список неполон прежде всего потому, что в основу соответствующих нормативных актов положена концепция абсолютной (но не относительной) социальной депривации. Отдельные ранее резко осуждавшиеся состояния депривации теперь признаются заслуживающими помощи, а люди, попавшие в них, не подвергаются официальному остракизму.

Европейская концепция социально эксклюзии ориентируется на защиту прав, зафиксированных практически во всех международных конвенциях, в том числе Европейской социальной хартии, содержащей статью по социальной эксклюзии. Различия между западной концепцией социальной эксклюзии и бытующими в России представлениями об этом феномене можно свести к двум моментам. Во-первых, российский подход ориентирован на помощь и спасение, а не стремлении ясно определить социальные права гражданина и установить механизм их исполнения и защиты. Во-вторых, российские граждане ориентируются преимущественно на патерналистскую идеологию, ожи-

дая распоряжений и помощи от власти, в то время как административная система не имеет средств, достаточных для такой помощи.

«Третий сектор» против социальной эксклюзии

Быстрое развитие во второй половине XX века в странах Западной Европы добровольных объединений населения, которые в современной России принято называть общественными организациями, заставило по-новому взглянуть на структуру общества. Организации, ранее считавшиеся просто благотворительными и потому не заслуживавшими серьезного внимания государственных деятелей, превратились в серьезную силу. Эти организации так или иначе использовались в предвыборной борьбе, но они все чаще стали брать на себя роль «артикуляторов» потребностей населения. Артикуляция потребностей в подчас резких, даже радикальных формах постепенно переросла в контроль за действиями властных структур, а затем и в управление определенной частью социальных процессов. Значительная часть функций по управлению общественными делами перешла в компетенцию организованных групп населения. Совокупность таких организаций принято называть «третьим сектором».

Особый вид коллективных действий — социальные движения. Само по себе социальное движение, даже организованное, организацией не является. Социальные движения не регистрируются и представляют собой как бы естественные социальные процессы. Социальное движение не может быть представлено и единственной группой, особенно в тех случаях, когда такая группа преследует определенные политические цели, обслуживает какого-либо клиента (избирательный блок, политика, кандидата на выборах и т.п.). Социальные движения могут ставить политические цели и изменить распределение политической власти, но могут ориентироваться и на воспроизводство культурных ценностей. В последнем случае в структуре действия преобладают неинструментальные, экспрессивные мотивы. Например, анализируя социальные движения в Великобритании, Р. Вольфганг и соавторы приходят к выводу, что участие в движении за мир диктовалось скорее не инструментальными соображениями, а символическим принятием более широких политических и моральных воззрений [11]. Новые социальные движения порывают с традиционными ценностями капиталистического общества и ищут другого отношения к природе, собственному телу, противоположному полу, работе и потреблению [12].

Если следовать системной теории современного общества, можно предположить, что его основной характеристикой является взаимодействие функционально дифференцированных подсистем. В процессе модернизации подсистемы общества (религия, экономика, политика, наука) выделяются из интегрированного «жизненного мира». Эти подсистемы специализированы в соответствии со своими функциями, относительно независимы друг от друга и создают собственные институты, взаимодействующие друг с другом за посредством обмена. При этом в обществе непрерывно возрастает потребность в горизонтальном и вертикальном взаимодействии функционально специализированных структур как между собой, так и «жизненным миром». Последний вид взаимодействия может рассматриваться и как взаимодействие между

между системными функциями и потребностями индивидов. На макроуровне политико-административная система должна обеспечивать условия для успешного хода некоторых общих дел и гарантировать коллективные блага. С этими функциями никакая другая подсистема адекватно справиться не может. На микроуровне роль партий и групп интересов сводится к тому, чтобы собирать и агрегировать информацию об индивидуальных потребностях с целью передачи ее политико-административной системе, которая через партии и группы интересов транслирует функциональные политические требования индивидам.

Современные социальные движения организационно гетерогенны и децентрализованы. Нет социального движения, где гегемоном была бы единственная организация. Наиболее централизованным является движение в защиту окружающей среды, наименее централизованным — женское и альтернативное движения. Многие люди участвуют одновременно в двух и более движениях. Это отражает тенденцию к взаимодействию и объединению усилий. Появление доминирующего типа современных социальных движений является следствием дисфункций и дефицита в обеспечении взаимодействий только средствами партий и групп давления. Социальные движения дополняют эти институты на мезоуровне. Эта дополняющая или компенсаторная роль социальных движений связана с модернизацией и может быть таким образом соотнесена со структурными изменениями. В свою очередь институционализация партий и групп интересов в рамках правительственных систем повышает уровень их организованности, снижает их ответственность перед «клиентурой» потенциал их радикальной активности. Это, в свою очередь, усиливает потребность в социальных движениях. Можно предположить, что высокомодернизированное общество становится «обществом движений» [13].

Препятствия и барьеры в распределении ресурсов существуют в любом обществе и не могут быть единственной причиной возникновения социальных движений, в формировании которых главную роль играет возможность коллективных действий [14, 15]. Относительная депривация ведет к росту протеста только в том случае, когда коллектив имеет определенный уровень организованности [16]. Из этого следует, что широкие социальные движения, в том числе движения протеста, возможны в относительно богатом обществе, и являются собой индикатор богатства такого общества. Состояние «перевозбужденного» общества (в форме митингов, демонстраций и других массовых действий) не рассматривается как социальное движение. Отсюда также следует, что даже крайнее обострение социальной эксклюзии в бедных странах не грозит массовыми агрессивными социальными движениями. Такой результат был получен и нами [6]. Проблема заключается в том, чтобы найти грань, отделяющую коллективное брожение, недовольство в обществе от движения социального характера. Значение движения для их участников связано с удовлетворением определенных потребностей. По Б. Кландермансу один из мотивов участия в социальных движениях — расчет на получение определенной части коллективных благ, завоевываемых социальным движением, на которые нельзя рассчитывать при рациональных индивидуальных действиях [12, р. 24]. Ссылаясь на Э. Обершала [17], Б. Кландерманс обра-

щает внимание на возможную высокую заинтересованность индивида в групповой солидарности и достижении групповых целей. По-видимому, к этому можно добавить и ожидание индивидом группового одобрения и групповой поддержки. Значимость личного участия в социальных движениях определяется также той ролью, которую играет индивид — принадлежит ли он к ядру движения, является ли лидером или центральным активистом, либо просто участником, способствующим движению или сочувствующим ему [13].

В современных социальных движениях в Западной Европе принимают участие в основном два типа индивидов: маргинализованные слои (жертвы социальной эксклюзии) и индивиды с повышенным уровнем притязаний [12]. Последние также могут рассматриваться как жертвы социальной эксклюзии, но ни те, ни другие не принадлежат к какой-либо определенной социальной группе, они могут оказаться в любой точке социальной структуры. Однако В. Рудиг и соавторы установили, что по меньшей мере в двух социальных движениях (за мир и разоружение и экологическое движение) основная масса участников рекрутировалась из узкой прослойки среднего класса, главным образом из имеющих высшего образование и занятых в гуманитарных профессиях, особенно — в сфере образования и социальных услугах [11]. Д. Рухт показал, что в новых социальных движениях представлено по преимуществу молодое поколение из «среднего класса» с повышенным уровнем образования [18]. Относительно высок удельный вес работников, непосредственно занятых работой с населением. Есть данные, что эта тенденция ослабляется при перемещении от ядра движения к его периферии и «сочувствующим». Хотя удельный вес женщин в новых общественных движениях выше их доли в населении, он близок к удельному весу женщин в политических партиях и группах интересов.

Важным ресурсом мобилизации является организованность, снижающая издержки участия в движениях и способствующая рекрутированию участников. Внешнее впечатление плохой организованности движений возникает потому, что в них используется специфический тип организованности: отсутствует централизация, формируется сеть групп, и решения принимаются на «безлидерной» основе. Б. Кландерманс вводит понятие мультиорганизационного поля — сети сотрудничающих и конкурирующих формализованных групп, независимых друг от друга [12]. Любые социальные движения протекают в мультиорганизационных полях. Это означает, что движения организуются и самоорганизуются не когерентно, но через группы. Они могут конкурировать и даже быть оппонентами. Мультиорганизационное поле социального движения распадается на два сектора — поддерживающий движение и противостоящий ему. Границы между секторами подвижны в зависимости от событий. В этих условиях судьба организации социального движения зависит от динамики мультиорганизационного поля. Отношения между организациями социального движения и их оппонентами, наличие контрдвижений, формирование коалиций, отношения между симпатизирующими и оппонировавшими политическими партиями, отношения со средствами массовой информации — все это формирует поле напряжения, в котором существует движение. Социальные акторы (организации) занимают определенные

позиции в мультиорганизационном поле. Позиция определяется отношениями с другими группами и организациями. Эти отношения заключаются в поддержке одних, антипатии и враждебности к другим, участии одних и тех же участников в нескольких организациях, не обязательно дружественных, участии организаций в разных коалициях и т.д. Очевидно, социальные движения могут обуславливаться массовой депривацией или ее угрозой, однако у общества должно быть достаточно средств, чтобы мотивированные группы начали такое движение.

Неприбыльный (третий) сектор имеет особое значение для преодоления социальной эксклюзии. Под неприбыльным (третьим) сектором понимается совокупность групп населения и организаций, не ставящих целей увеличения личного дохода непосредственно через участие в работе таких групп и организаций или через владение ими. Термин «неприбыльные» означает, что, возможно, получаемая в результате деятельности таких групп и организаций прибыль не распределяется между их участниками, а идет на решение задач группы или организации. Разумеется, это определение условно. В отдельных случаях в бедных странах, в том числе в России, неприбыльная организация обеспечивает своим работникам доход, далеко превосходящий средний по стране. Главная функция подобных организаций — расширение пределов свободы и вовлечение населения в процесс социальных изменений, развитие социальной защиты. В. Ходкинсон и Р. Сумаривалла отмечают две существенные характеристики неприбыльного сектора. Первая — исключительная добровольность формирования. Во всех случаях неприбыльный сектор начал свое существование с взаимной и помощи. В таких странах, как Швеция и Нидерланды, «третий» сектор обеспечивает баланс сил между социальными группами, поскольку добровольные организации пользуются огромным политическим влиянием. Третий сектор, филантропия и добровольность играют особенно большую роль в государствах с ограниченными правительственными ресурсами (Восточная Европа, страны бывшего СССР, страны «третьего мира»), где социальная эксклюзия — массовое явление. Второй характеристикой добровольных организаций является то обстоятельство, что свободно объединившееся и создавшее организации население может расширить пределы ответственности правительства, создать программу общества и в исключительных случаях — изменить политику правительства, но оно не может управлять, «неприбыльные организации не могут выполнять функций государства, определенных законом» [19].

В основе развития третьего сектора лежит принцип принцип «субсидизма» — поддержки, помощи. Этот принцип означает, что крупная, более сильная и обеспеченная социальная единица (например, государственный институт) должна оказывать помощь меньшей социальной единице (например, группе инвалидов, больных, семье, институтам сферы образования, культуры) только в том случае, если эта меньшая социальная единица не может полагаться на свои силы. В терминах социальной политики это явление превращается в систему, в которой частная организация социальной защиты превращается над общественным (public) сектором, местные организации над неместными. Субсидизм предполагает иерархию, начинающуюся с индивида, распространяющуюся на расширенную семью, общину, церковь и кон-

чающуюся государством. На каждом уровне этой иерархии более высокий уровень или единица должны защищать нижележащие уровни и помогать им, одновременно уважая их независимость.

Принцип субсидизма возник в традиционных сообществах. Протекция и защита «младших» были основным принципом взаимоотношений сеньоров и вассалов в средние века, а еще раньше — господ и рабов. Сеньор брал на себя определенные обязательства по защите своих вассалов, помещик — своих крестьян или арендаторов, господин — своих рабов. Сеньор был силен не только имущественным богатством, но и числом преданных ему и готовых защищать его вассалов, крестьян, рабов, подданных. Во всех случаях сохранялась и жесткая иерархическая зависимость. Это последнее и отличает принцип патримониализма от субсидизма: последний провозглашает независимость более простых социальных единиц от более сложных.

В «третьем» секторе возникают своеобразные монополистические образования. Так, например, в Германии значительная часть средств для социальной помощи из государственного бюджета проходит через шесть так называемых «зонтичных» структур — крупных неприбыльных организаций. В странах «третьего мира» создаются неприбыльные организации-посредники (реципиенты иностранной помощи), которые фактически распоряжаются огромными финансовыми средствами. В России им соответствуют некоторые фонды и так называемые ресурсные центры, являющиеся общественными организациями. Такие «зонтичные» структуры под покровительством государственных организаций, удачно выбравшие себе партнеров-посредники, конечно, имеют больше шансов получить финансирование независимо от ее эффективности по отношению к нуждам населения, чем обычные добровольные объединения. Они более конкурентноспособны, чем любые другие организации «третьего» сектора, но, как правило, успешно вытесняют с рынка субсидий другие организации. Вместе со своими спутниками такого рода организации создают в «третьем» секторе своеобразную бизнес-среду, напминающую рынок.

«Третий сектор» состоит главным образом из НГО, однако постепенно приобретает черты иерархизированной организации. Во многих странах, куда направляется иностранная помощь, появляются НГО-посредники, реципиенты, получающие и распределяющие такую помощь. С одной стороны, эти организации кажутся необходимыми. Без них поток средств на оказание помощи должен был бы распределяться непосредственно организациями-донорами. С другой стороны, организации-посредники создают некое подобие бюрократической прослойки, состоящей из высокооплачиваемых служащих, и не имеют дела непосредственно с населением.

Борьба с социальной эксклюзией

В каждой демократической стране существует нормативно-правовая база для борьбы с социальной эксклюзией. Кроме того, в «мирную» борьбу с социальной эксклюзией вовлечены региональные, национальные и международные общественные формирования и движения. Даже в странах со стабильными демократическими институтами и экономикой, высоким уровнем жизни время от времени происходят всплески социальной эксклюзии как

реакции на изменения социальной, экономической или политической ситуации, которые чаще всего гасятся законными способами. Иногда они выливаются в массовые выступления и столкновения с силами порядка. Третий сектор играет исключительно важную роль как стабилизатор социальных отношений, механизм ослабления социальной напряженности, организованного лоббирования интересов депривированных групп граждан. В определенном отношении третий сектор выполняет функцию инновационной социальной среды и включения индивидов и групп в активную социальную деятельность.

Иная ситуация складывается в условиях социальной катастрофы, когда основной заботой становится выживание. Речь идет не только о выживании физическом. Невозможность продолжать привычную и «приличную» жизнь воспринимается не менее остро. В этих условиях социальная эксклюзия усугубляется неопределенностью правовых норм, отсутствием институциональной регуляции поведения, деградацией экономики, столкновением субкультур, ранее более или менее изолированных. Соответственно, борьба с социальной эксклюзией нередко принимает противозаконные, агрессивные формы. На первый план выходят требования к тем, кто распоряжается значимыми ресурсами. Как правило, требования адресуются органам власти. Третий сектор в такое время является инструментом социальной мобилизации, сплочения протестных сил. Поэтому среди общественных организаций, имеющих отношение к социальной эксклюзии, преобладают жертвы социальной эксклюзии и/или берущие на себя функции их защиты. Главным образом, это организации инвалидов, многодетных семей, родителей-одиночек и т.п., которые опираются на определенную правовую базу и другие общественные нормы. Большая же часть жертв социальной эксклюзии в период социальной катастрофы не защищена правовыми нормами. В этой ситуации оказываются, в частности, группы малообеспеченных, большинство ищущих работу, семьи, имеющие плохое жилье или вовсе его не имеющие, люди, живущие в неблагоприятной среде, страдающие социально опасными заболеваниями, освобожденные из мест отбывания наказания по приговорам суда. В таких группах в России оказалось больше половины населения.

Локальное сообщество не имеет возможности воспроизводить ресурсы и преодолевать ситуации социальной эксклюзии только собственными силами. Данная проблема может решаться, как правило, применительно к территориальным общностям (бедным или экологически бедствующим окраинам крупных городов, поселениям со стагнирующей экономикой). Однако когда речь идет о некомпактно проживающих жертвах социальной эксклюзии (инвалидах и пожилых людях, семьях с низким доходом), вопрос о самостоятельном воспроизводстве ресурсов становится неразрешимым. Главным условием воспроизводства ресурсов является существование внутригрупповых связей, достаточных для того, чтобы индивиды чувствовали взаимную ответственность и идентифицировали себя с группой. Второе условие — возможность поддержания активных контактов между индивидами, их ориентация не столько на защиту от социальной эксклюзии, сколько на инклюзию — принятие самостоятельных решений в рамках сообщества. Третье условие — возможность сохранения «наработанных» ресурсов (финансовых накоплений, имущества) и обеспечение определенного уровня безопасности. Есть и

условия внешнего характера, связанные с благожелательным отношением со стороны органов государственного и муниципального управления и др. Воспроизводство собственных ресурсов предполагает включение жертв в проектирование выхода из ситуации социальной эксклюзии и реализацию этого проекта. Главное здесь - процесс включения индивидов в формирование новой ситуации.

Опыт стабильного существования относительно небольших территориальных сообществ, воспроизводящих некоторые из своих ресурсов, накоплен в экономически развитых странах, в частности, Великобритании, Германии, США. В России подобного опыта пока нет, хотя отмечается возникновение неформальных групп самопомощи, в которые входят, как правило, неработающие пенсионеры. Они оказывают друг другу услуги преимущественно коммунального характера, обучают друг друга и желающих навыкам бытового ремонта.

Преодоление социальной эксклюзии предполагает организацию групп взаимной помощи в сфере коммунальных услуг и улучшения состояния окружающей среды, образования и воспитания детей, создание социальных предприятий, специальных поселений-колоний для тех, кому необходима социальная реабилитация, вовлечение населения в муниципальное управление. Каждое из упомянутых направлений требует разработки специальных проектов при активном участии «третьего сектора».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Gore Ch.* Introduction: Markets, citizenship and social exclusion // *Social Exclusion: Rhetoric Reality Responses / International Institute for labour studies. United Nations development program; Ed. by G. Rodgers, Ch. Gore, J. Figueiredo. Geneva, 1994.*
2. *Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л.* Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М.: Изд-во Московского независимого института международного права, 1998.
3. *Townsend P.* The international analysis of poverty. New York: Harvester Wheatsceaf, 1993.
4. *Waldfoegel J.* Early childhood interventions and outcomes / CASE paper. London Center for Analysis of Social Exclusion; London School of Economics. London, 1998,
5. *Hobcraft J.* Intergenerational and life-course transmission of social exclusion: Influences and childhood poverty, family disruption and contact with the police (November 1998) / CASE paper; London Center for Analysis of Social Exclusion; London School of Economics, London, 1998,
6. *Бородкин, Ф.М., Володина Н.П.* Социальная напряженность и агрессия // *Мир России.* 1997. № 4. С. 107-150.
7. *Tchernina N.* Patterns and processes of social exclusion in Russia // *Social Exclusion: Rhetoric Reality Responses / International Institute for labour studies. United Nations development program; Ed. by G. Rodgers, Ch. Gore, J. Figueiredo. Geneva, 1994. P. 131-146*
8. *Wolf M.* Globalization and social exclusion: Some paradoxes // *Social Exclusion: Rhetoric Reality Responses / International Institute for labour studies. United Nations development program; Ed. by G. Rodgers, Ch. Gore, J. Figueiredo. Geneva, 1994. P. 81-102*

9. Федеральный закон «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации». 10 декабря 1995 г.
10. Постановление Правительства РФ «О программе социальных реформ в Российской Федерации на период 1996 — 2000 годов», 26 февраля 1997 г.
11. *Rudig W., Mitchell J., Chapman J., Lowe D.* Social movements and social sciences in Britain // *Research on social movements: The state of art in Western Europe and the USA* / Ed. by D. Rucht. Campus Verlag. Westview Press. 1987.
12. *Klandermans B.* New social movements and resource mobilization: The European and the American approach revised // *Research on social movements: The state of art in Western Europe and the USA* / Ed. by D. Rucht. Campus Verlag. Westview Press. 1987.
13. *Neidhardt F., Rucht D.* The Analysis of Social Movements: The State of the Art and Some Perspectives for Further Research // *Research on social movements: The state of art in Western Europe and the USA* / Ed. by D. Rucht. Campus Verlag. Westview Press. 1987.
14. *Zald M.N., McCarthy J.D.* Social movements in an organizational society: Selected essays. New Brunswick. Transactions Books. 1987.
15. *Jenkins J.C.* Resource mobilization: Theory and the study of social movements // *Annual Review of Sociology*. Vol. 9. Palo Alto: Annual Review Co., 1983.
16. *Pinard M.* From deprivation to mobilization: Paper presented at the Annual Meeting of the ASA. Detroit, August 1983.
17. *Oberschall A.* Loosely structured collective conflicts: A theory and an application // *Research in Social Movements: Conflict and Change* Ed. by L. Kriesberg. Vol.3. Greenwich, Conn.: JAI Press, 1980.
18. *Research on social movements: The state of art in Western Europe and the USA* / Ed. by D. Rucht. Campus Verlag. Westview Press. 1987.
19. *Hodgkinson V., Sumariwalla R.* The nonprofit sector and the new global community: Issues and challenges // *McCarthy K., Hodgkinson A., Sumariwalla R., e.a.* The Nonprofit sector in the global community: Voices from many nations. San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 1992.